

БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ...

Игорь Рыжов частенько повторял эти слова, цитируя одну из своих многочисленных тещ, как он добавлял, самую любимую. Игорь Рыжов: битник, сайгоновский поэт, алкоголик, незаконченный романтик, маргинал, «золотой голос Треугольника», клоун без зала, циник, лирик...

Слишком много слов. Вообще, трудно писать о поэзии человека, не считавшего себя поэтом. Как друг, я, наверное, чересчур предвзята, а как жена, слишком снисходительна. «В Начале было Слово... И судя по всему, нецензурное» (И. Р.)

Откуда вышел Рыжов, где было его Начало? Да все там же. «Ленинградские дворы... Фабричные районы – задворки открыточного Невского, изнанка блестящего эстрадного пиджака, пропахшего потом и видимая только за кулисами. Сколько песен и стихов вышло отсюда, и сколько еще выйдет, с каждым поколением, открывая только ему ведомую романтику родного микрорайона, который и ближе, и лучше, и уж совсем не сравнится с тем, что через улицу и далее до хлебозавода!..». У Рыжова на всю жизнь сохранился детски ясный взгляд на мир, наивность, но без нарочитости. Солнце, оттого, что иногда вдруг заглядывает в выгребную яму, не перестает от этого быть Солнцем. Конечно, если это действительно Солнце, а не фонарик, упавший в дерьмо.

*Разгадать бы Ночь, как ребус, прицепить медаль на бантик.
Незаполненный троллейбус, незаконченный романтик.
Дома – сыр и чашка кофе, дома – все, чем жив сегодня,
Звезд рассыпанные крохи, светел был пирог Господень.*

*Два шага до горизонта, манит кто-то, умоляет,
Я не вижу – вот позор-то! Я ее лишь представляю!
Лодка в небе, землю клонит, лодка в небе, лодка в небе.
Я б уплыл бы, да догонит: «С кем бы? Как бы?»,
– просто, с ней бы...*

Стихи он писал всегда. На запотевшем стекле троллейбуса, в школьных тетрадях, на пустых пачках сигарет, на полях газет, пьяный, трезвый — писал и категорически отрицал себя как Поэта. «Дышу я просто так, иначе не умею». Для поэтов стихи — средство самовыражения, интимного диалога с Богом, для него — физиологическая потребность, голод, утолить который можно, лишь выплеснув его наружу.

Обычное естество, такое же, как пищеварение или Любовь.

*Уменье связывать слова сродни уменью вязать носки, допустим,
Немного лирики, немного грусти и вот уж сердце льется из руки.
И так кружится голова, а дальше – полное затмение,
Искусство ль это? Нет, едва ль, скорее, чувствовать уменье...*

Лирика Рыжова очень нежная и светлая, и если он иронизирует, то исключительно над самим собой. «...Ты знаешь, с какого-то времени, мне стало проще думать образами. Я их, включая обстоятельства, вовлекаю в стихотворную форму. Прикидываться художником гораздо проще, чем им быть на самом деле. Стеб, если хочешь, всего лишь сублимация естественного посыла души, в условиях неволеванности, в никуда, порождающая, порой гипертрофированные формы. Я не отпущу свое сознание, пусть льется...».

*Обыкновение разлуки, как дней осенних перебор,
А солнце, предвкушая муки, садится жопой на Собор.*

*Закат согреет лишь поэта своей предсмертной красотой,
Как, догорая, сигарета в руке любимой и простой.*

*Из тех, что по ночам не снятся, и не мерещатся в окне,
Я – не Поэт, и преклоняться мне не пристало перед ней.*

Об органике стихов Рыжова и его лексике хочется поговорить отдельно. «В самой фразе “Художник (поэт, артист, музыкант и т. д.) должен все пропускать через себя” есть нечто физиологическое, сродни приему пищи». Рыжова уже успели обвинить и в порнографии, и чуть ли не в эксгибиционизме — публичном выставлении на показ той части интимной жизни, о которой часто стесняются не то что писать, но и упоминать.

Что тут сказать? Показной цинизм Рыжова есть не что иное, как переходная стадия «лирика».. «Лица всех, кого когда-то любил, начинают сливаться в одно большое лирическое пятно, и оттуда выход лишь один — в цинизм».

*Я онанировал на Нину,
У Нины минные они:
Холмы, поля, кусты, равнины,
Пещеры... Да продлятся дни
Благословенной девы Нины!
Мне горячо от зрячих снов.
Пусть я наделал на штанину,
Не зря, куплю еще штанов.
Куплю я «Старки», вазелину,
Для хода главного руки.
Моим подарком будет Нина
И это славно, мужики!*

Можно быть отвратительно пошлым, не произнеся ни единого непечатного слова. Если кому-то не нравится, как Рыжов использует слова, это, видимо, те, кто по жизни не встречался с сильными чувствами, которые описать можно только сильными словами. Совершенно очевидно, объяснимо и предсказуемо, что у таких людей отношение к Слову как у дошколят к соитию: «непонятно, чего это папа с мамой друг по другу ползают». И не объяснить им, недозревшим, что внутри секса бывает Любовь — и это одно, а бывает и без нее — и это совсем другое. Они просто не отличают!

Грань, в данном случае, определена внутренней культурой и рамками общественной дозволенности. Культура — это

взаимообразующий элемент, который может разные слои общества хотя бы пару минут заставить поговорить на языке, одинаково понятном риторы и оппоненту. Тогда, может, не нужно будет везде искать порнуху, как та гимназистка, что «краснела при слове “омнибус”, потому что оно похоже на “обнимусь”».

За границами души всегда начинается чья-нибудь другая. Наше дело — лишь ощутить ее как гармонию, или отвергнуть, переступая через себя или собеседника.

Если в XIX веке в русском обществе процветала фальшивая мораль, то нынешнее общество предлагает нам фальшивую аморальность. Окружающая культура формирует художника, и он уходит в дешевую попу. Рыжов выбрал свой путь. «Все, чего я добился как личность — это, сначала, полное неприятие системы, потом параллельность, а потом — борьба. Я выиграл, на свою голову».

Порок же изначально притягателен, хотя бы как некое прикосновение к запретному: можно плод-то и не есть (вроде как и чистенький), а рядышком побыть, радуясь, что у самого такого нету. Рыжов в своих «стишатах для отврата» (как он их называл) веселится от души, и приятно, когда кто-то это понимает! Принимать же созданный им образ «сексуального» героя за него самого — сугубо неверно! Тут Рыжов скоморох, а отнюдь не сексуальный извращенец.

*Тогда Художником зовешься ты,
Коль завтрашнее видишь во вчерашнем.
И ловишь отголоски Красоты
Во всем, что омерзительно и страшно.*

Хотя ни сам Рыжов, ни его стихи не нуждаются ни в защите, ни в оправдании. Время само все расставит на свои места. «Потом всех нас рассудят, и тех, и меня, грешного. А уж за кем геморроев больше — не нам судить».

Самой большой любовью Рыжова, изначально, был и оставался Его Город. «Мое сердце со штырьком Петропавловки». Не тот город-герой Ленинград-Петербург-Петроградце,

который был раньше или существует до сих пор, а его собственный ГОРОД, — с площадями, проспектами, домами, улицами и переулками, с его персонажами. И теперь уже не Рыжов живет в городе, это сам Город живет в нем. Большое видится на расстоянии, и чем дальше, тем больше оно заполняет тебя изнутри. Тем самым делается ближе, становится тобой.

*...каждому по делам, да поделом сто крат —
Только не помни зла, только не жди наград.
И все, что есть вокруг, в твой полетит огонь:
Это когда-то, вдруг, произойдет с тобой.*

Александра Ширяева

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ ИЛИ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НОНКОНФОРМИЗМЕ КАК ОБРАЗЕ ЖИЗНИ

*Говорите обо мне, что угодно, люди.
Мне ведь – зернышко в говне,
Вам ведь – хрен на блюде.*

Игорь Рыжов

Самая неблагодарная, да и глупая, по сути, работа рассказывать читателю, что и почему хотел сказать автор в своих текстах, а уж тем более оценивать его наследие. В то же время для удобства читателя, необходимо дать небольшой комментарий по поводу того культурного контекста, в котором жил и видел себя сам И. Рыжов.

Тексты Рыжова — это не только летопись бытия его литературного героя, но и отражение многих пластов петербургской культуры, героем андеграундной части которой он был несколько десятилетий. Стиль его текстов во многом основан на тонком сочетании осмысления русского авангарда и постмодернизма. Интерес к творчеству Д. Хармса и К. Вагинова сочетаются с любовью к С. Соколову и Конфуцию. От авангарда — поиск выразительных форм, интерес к городскому фольклору. От постмодернизма — ирония, интертекстуальность, свободное сочетание различных контекстов, разрывы и складки в теле текста. Свобода интерпретации дает читателю свободу контекстуализации смыслов, а автору возможность создавать многоадресные произведения. «Читатель должен быть или сверх-

искушенным, или не искушенным вовсе», — писал Ж. Деррида. Читатель, столкнувшийся с текстами Рыжова, наверное, должен быть и первым и вторым одновременно — кто-то видит в них панковский плевок мата и грязи в лицо аудитории, кто-то вообще не литературу и не поэзию, а кто-то отметит тонкую работу со словом и полюбуется точностью смыслов и образов. Парадокс, но правы и первые и вторые и третьи. Мир героев Рыжова — неоднозначен и сложен, это мир маргиналов и интеллектуалов, битников и гопников, а эпатаж во многом связан с желанием быть услышанным, привлечь внимание к себе.

В мифопоэтической, символической форме в текстах присутствует осмысление многих болевых точек и ценностей целого поколения. Нонконформизм Рыжова был основан не на протесте, а, как и для многих ленинградцев-петербуржцев на уходе во «внутренний духовный андеграунд», через создание художественными средствами «параллельного неба». Не случайно ряд исследователей отмечают, что художественная жизнь Петербурга более семейна — художники, музыканты, актеры, околожудожественная публика собираются, встречаются в одних и тех же местах, а разнообразные пласты художественно-интеллектуальной жизни имеют множество точек соприкосновения и связей. То же пишет и А. Троицкий, рассматривая особенности становления ленинградской рок-музыки: как в большой деревне там есть места, где каждый может увидеть каждого. В Петербурге исторически андеграунд имел концентрированные в пространстве формы. Сквоты, дворы, набережные, кафе становятся местом, где «знакомые встречали знакомых»: от «Сайгона» до «Эльфы», от «Треугольника» до «Росаны». Пространство в этих топохронах важнее времени, которое, казалось, текло и течет по собственным неофициальным законам, а не по официальным декретам. Здесь появляются свои герои, образцы для подражания, рождаются легенды, а байки приобретают особое значение. Это стало частью современной петербургской культуры. Рыжов (иногда «Боно» или «U2») не случайно делает Питер одним из ключевых героев своих текстов. Для него было орга-

---

* Троицкий А. Рок в Союзе: 60-е, 70-е, 80-е... М., 1991, С. 41–45.

нично воспринимать себя как часть этого мифа: как «художника поведения», «интеллектуала-алкоголика», сайгоновского завседатая, «ленинградского битника», «короля Треугольника». Так же воспринимали его и многие окружающие.

Будучи истинным питерским интеллигентом, человеком высоко и разносторонне образованным, он сумел построить свою вселенную, основанную на осознании свободы как главной категории человеческого бытия, мир, параллельный официальной реальности. В своих текстах он смотрит на знаки обыденного мира, на пошлость и фальшивую мещанскую мораль с искренним удивлением и жесткой иронией, это заметки инопланетянина, попавшего на другую планету. Поэтому так ласково он писал о тех, кто обладал тем же чувством свободы, способностью удивляться мелочам, как он сам; поэтому предъявляемые автору обвинения в порнографии выглядят как-то несурзазно.

Там, где есть культура, обязательно существует целый набор запретов и ограничений, механизм подавления: искусство в таком контексте воспринимается как особая степень свободы, а маргинальность иногда прочитывается как путь к свободе. Ж. Лакан в работе «Ниспровержение субъекта и диалектика желания в бессознательном у Фрейда» подчеркивал сходство механизмов защиты от травмы с поэтическими тропами, определяющими режим деятельности бессознательного. Так, «поэтические тропы» Рыжова — это способ снятия травмы культуры, через построение собственной вселенной... в которой тоже есть боль и экзистенциальная тоска, абстинентный синдром и смерть, но есть и свобода от пошлости и нормативного давления общества.

Анна Демшина,
кандидат культурологии

A black and white photograph of a man with long, dark hair, wearing a dark, heavy coat and trousers, walking through a crowd of people on a city street. The man is looking slightly to his right. The background shows other pedestrians and buildings, suggesting an urban setting. A white banner with black text is overlaid on the upper right portion of the image.

– ПИТЕРСКИЙ БИТНИК *

* Игорь Рыжов

ПИТЕРСКИЙ БИТНИК

ЧАСТЬ I

БИТНИК

*«...Жизнь. Что это?
Дочь Виталия Соломина на его вопрос как то ответила:
“Свой круг на Земле”. Как точно.
Моя – мой Треугольник...»*

EXEGI MONUMENTUM

Памятник Рыжову — вещь, в принципе, ненужная и противоестественная.

Люди пыжатыся, с важными лицами заставляют скульпторов изучать биографии и указывают им на то, чтоб величественно или, наоборот, попроче и с юмором. Потом эту бронзовую фигу с незнакомым лицом, или еще хуже — на лошади, или с гитарой на шее, или за спиной тащат как египетскую пирамиду на площадь перед дворцом или супермаркетом. От нее дети шарахаются. Она мешает ходить и ездить, пугает по ночам, скачет по всему городу за сумасшедшими во время наводнений или бьет прохожего сослепу по плечу «Ты еще крепкий старик, Розен...баум!».

На пьедестале пишут что-то вроде «прима секунда» или столько всего, что не разобраться за год.

Пока живы те, кто помнит, они будут проходить мимо известного им места и думать: «Треугольник. Рыжов».

Так что памятник есть. Его невозможно снести, откорректировать, обгадить голубями или перетящить с глаз подальше. На нем никто не напишет глупостей, не говоря уж о матерных словах.

Дольше всех стоят памятники тем, кто постарался пролить крови побольше или испортить жизнь максимальному числу людей. Памятники поэтам делают в том же стиле, что и властителям, и поэты выглядят не так, как сами хотели бы.

А Рыжов он и есть Рыжов, даже помолодел.

Он теперь всегда на Треугольнике.

Андрей Цунский

БИТНИК

Рюкзак, широкое пальто, армейские ботинки,
Идешь загадочно простой, как «Англичанин» Стинга.
Идешь асфальтом и листвой, за кованой оградой,
Идешь Одессой и Москвой, Свердловском, Ленинградом,
Идешь, и падают враги, с тобой твои солдаты,
И мир становится другим, пока идешь, куда-то...

Мда... Исчо раз: я — битник, престарелый.
Меня куды пихать, или с кого пенсию требовать? Рок-клуб — закрыт, все ушли на фронт, то есть на выживание. Выжили. Дай Бог им. Остальных — я хоронить за♥бался, вон, давеча Эдика Нестеренко поминали, из групп «Кофе», «Петля Нестерова» и пр. Хоть бы одна сука со мной по монитору чокнулась, я же сам не смог приехать и попрощаться, гипс еще с ноги не срезал. Царствие ему Небесное!

РАСКЛАД ОБЛИКА

Свитер – малиновый.

Слаксы: песочно-зелено-серые, вельветовые.

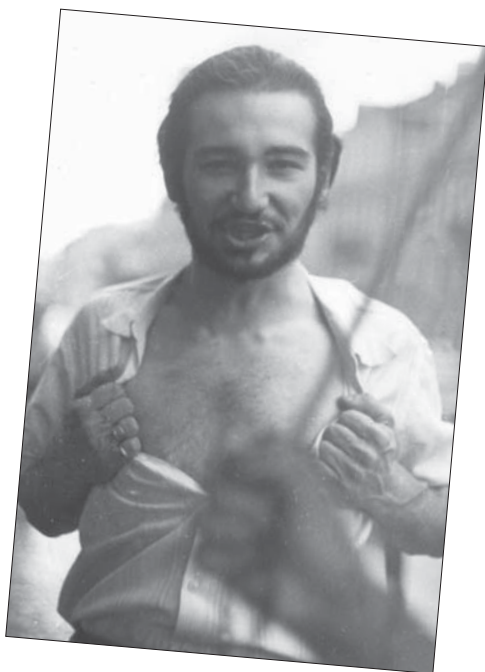
Куртка – НАТОвского образца с капюшоном. Цвет приглушенно зеленый.

Акцент – очки.

Любовь – ОДНА!

О СЕБЕ

Да ладно, индивидуально все это! У меня «ковбойский» рост — 188 см с половиной. Вес — 108 кг. Харя — Крюгер позавидует. Все окрестные бомжи и попрошайки (не наши аскеры!) за годы стали почти родными. То есть, персонаж, интересный лишь эксклюзивно ментам: сегодня, суки, опять всю денежку выгребли!

ДЕРЖАТЬСЯ КОРНЕЙ

Я еврей наполовину — все жены терялись в догадках, на лучшую или худшую? Хотя какие могут быть половины, если я по матери? Будь мой папа хоть пингином преклонных годов (хотя, Витя Колесо утверждает, что Вася Рыжов в Сайгоне на пингвина не походил даже отдаленно) — от этого никуда не денешься!

Еще и православный, то есть выкрест, к тому же. Причем, моя ряшка явно на славянский типаж не тянет!

По отцу-то я вообще хрен знает кто, Пинкертон и ФСБ не раскопают, а мать молчит, как партизан на допросе. Смутно помню только деда по его линии с длинными седыми волосами и, столь же длинными, черными валахскими усами.

Про мои корни неплохо говорила моя вторая жена: «Рыжов от евреев унаследовал всю хитрость (будем надеяться, с годами переходящую в мудрость), а от неопознанной второй стороны — такой алкоголизм и распи♥дядство, что тут репу чесать надо, кто там побывал!».

На что я благоверной всегда парировал цитатой из фильма «Такси-блюз» Павла Лунгина, тот момент, где таксист спрашивает у алкоголика-саксофониста Мамонова, видя, как тот жадно выпивает свой стакан на опохмеле:

— А я думал, что евреи непьющие!

Петя, выпивая свой стакан, на выдохе отвечает:

— Довели!!!

*(Из детской книжки,
обработано Игорем Рыжовым)*

Утро зло и игриво
Занималось в лесу.
Шла с Абрашею Рива,
Осыпая росу.

Рядом с ней без тревоги,
И доверчив и рыж,
Семенил длинноногий,
Горбоносый малыш.

Изучал от утробы
Жизнь через нее...
А рука юдофоба
Поднимала ружье.

Оступилась Рива,
Осыпая росу,
И опять все красиво
В некрасивом лесу.

ДЕТСТВО

Можно, тебя дернуть за косички,
Детство, неушедшее, мое.
Сигареты, спрятанные спички,
Дедушкино старое ружье,

Первая бутылка на скамейке,
Выборгской бескрайней стороны,
Семечки, вода за три копейки,
Мамою зашитые штаны.

Ссадины, как стигмы на коленках,
И желанье знаменитым стать.
И любовь зовут, наверно, Ленка,
И живет она — рукой подать.

Первые, навеки, поцелуи,
Расставанья, первые, навек.
Сам себя к себе теперь ревную,
Видно, так устроен человек.

Славно, что могу я, хоть и редко,
С детством поиграть в его игру.
Видно, что-то держит очень крепко,
А иначе — просто я умру.

С возрастом меняются привычки,
Свято, только то, что позади.
Я не буду дергать за косички,
Детство, я прошу, не уходи!

* * *

Момент возвращения в Детство — то есть в самого себя — свят, пусть, хоть на время! И если было это место — то почти ничто не мешает вернуться туда, хотя бы и не туда, хотя бы и рядом, да, и, пускай, в других ипостасях!

..Я родился под «Гимн Советского Союза», который в этот момент, как и в любые двенадцать часов транслировался по радио, включенном на полную катушку.

То-то я сразу вылезать не хотел, на интуитивном уровне, наверное.

Хотя новорожденные и не слышат ничего, наверное организм воспринял это как дурной знак и всячески сопротивлялся.

На этот свет я появился с рыжими и длинными до плеч волосами, так что санитарка, впервые принеся меня маме, мрачно буркнула: «Забирайте своего битла!». Та повеселилась.

А вот усов и бороды не было. Размеры тоже были обычные, да и бутылки с пивом в руке и сигареты во рту, кажется, не наблюдалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru